

ТВОРЧЕСТВО КЛЕО БЕКЛЕМИШЕВОЙ

С Клео Беклемишевой у меня связаны давние, детские воспоминания. Например, игры в петербургском Академическом саду, доступном только «своим», но так же и мне, потому что мои родители хорошо знали ректора Академии, Владимира Александровича Беклемишева и его жену. Оба были талантливые скульпторы... дочери было у кого «испекать» свой талант. Г-жу Беклемишеву совсем не помню: она рано умерла. Но запомнилось одно из ее произведений: юная, почти девочка, Саломея, с головой Иоанна Крестителя на блюде. Голова была В. А. Беклемишева, а был он очень красив, какой-то благоуханной красотой, отражавшей его красоту душевную. Его я помню хорошо: он ведь умер уже при большевиках.

Между прочим: во время первой мировой войны ему «свыше» было поручено лепить статую Вел. Книжника Марии Павловны, председателицы Академии Художеств, для Петергофа, и он искал подходящую «модель». Моя мать пригласила его с этой целью вместе с известной французской актрисой, любимицей Петрограда, Сюзанной Мент. Ее статная фигура и действительно «царственный» облик, а в особенности «великолепные» плечи привели его в восторг. Но в конце концов она ему почему-то не понравилась, вероятно некогда ей было.

Прошли годы... и какие годы! И вот я, журналистка, в большом парижском ателье известного скульптора Клео Беклемишевой. С нами — ее сестра, Екатерина Владимировна. (В детстве — Катя и Патя). Радио передает «Пиковую даму», по-французски. Мы и слушаем, и оживленно беседуем. Петербургские воспоминания смешиваются с воспоминаниями парижского дня. Я узнаю о сравнительно недавнем самоубийстве в Мадриде двух одиноких ставух — Ретины и Марии Валеро. А были они когда-то дочери испанка и матери-украинки, недурной певицей и хорошей портретисткой. Жили в Петрограде и очень часто бывали и у нас, и у Бекле-

художник-декоратор. В 1941 году вышли по-английски его «Балетные воспоминания». Еще до этой войны он стал постоянным сотрудником Миланской «Скала», где его сын уже много лет состоит директором постановочной части. В его декорациях и костюмах там поставлены «Сомнамбула», «Фаворитка», «Петрушка», «Фауст», «Трубадур» и т. д. В данное время он готовит для этого театра «Манон Леско» Пуччини, которая должна пойти для открытия зимнего сезона, т. е. в декабрь. И, как сказано выше, продолжает писать свои мемуары.

Прощаясь со мной Александр Николаевич сказал: — Мне 86 лет. Я устал. Но все-таки работать могу.

Последние слова прозвучали очень тихо. А мой брат, Владимир

мишевых. Среди портретов моего отца самый удачный был работы М. Валеро (а самый неудачный, как ни странно, И. Е. Репина).

Но вот я прошу показать мне скульптуры, как новые, так и уже виденные. Ваятельница оживает и начинает плавно говорить на любимую тему:

— Большую роль в моей жизни сыграл балет, так как, работая с его представителями, я углубила свое знание движения и ритма. Вель скульптура и танец — родственные искусства. И тем и другим я увлеклась с детства, когда мой отец лепил Преображенскую, Герат, Фокина. Впоследствии я часто замечала у балетных артистов, что скульптура их как-то влечет и что они ее чувствуют. Когда они мне позировали, получается совместная работа, так как модель сотрудничает со мной. Одним из первых и стала лепить Лифаря: работа с ним дала большое удовлетворение и вдохновила на дальнейшую работу с балетными артистами, среди которых были Вырубова, Шовире, Скорик, Давсонваль, Лорена, Лайде, Скибин, Орлов, Перетти, Бабиной, Эскудеро, Хенри Дантон, Данилова, Рябушинская, Лишин...

Особо могу отметить свою встречу с индусскими танцовщицами, которые заинтересовали меня не только с точки зрения пластики, но и метафизики, так как они все были «ритмические» танцовщицы. У них есть одна замечательная вещь: они работают на дыхании. Они умеют позировать, стоять часами, и никогда не уставать, так как эта способность у них приобретает характер упражнениями йогойского характера. Среди них несомненно выделяется Рам Гопал, как внешностью, так и талантом, и внутренним содержанием.

Пришлось мне также столкнуться с миром атлетки: один атлет пришел заказать свою статую, а за ним вереницей потянулись его коллеги. К моим последним работам относятся две статуи: два известных атлета, из которых один награжден громким титулом Monsieur France, а другой — французский негр, Monsieur Univers, 1957 года. Меня заинтересовал контраст между балетной пластикой и пластикой атлетической. Насколько у одних преобладает изящество настолько у других на первом месте сила... хотя конечный результат приводит к красоте.

С точки зрения психологии, меня очень интересуют портреты, к которым я подхожу с требованием передать духовный облик модели. Могу сказать, что люди открывают свои лучшие стороны, позировав, что относится одинаково к их духовным и физическим качествам. Человек безусловно хорошеет, когда позировает!

Мы переходим от одного произведения артистки к другому.

Сейчас она исполняет заказ —

лепит голову известного французского хивуда.

Очень незаурядная вещь — барельеф белого мрамора: голова Иоанна Крестителя (безбородая!), как бы обрамленная женскими рукавами... руками Саломеи. На выставке французская поэтесса посвятила ей стихи.

Очень хорошо «бетховенское» вдохновение: «Méditation musicale». Это работа по дереву, то, что называется taille directe. Надо сказать, что наша ваятельница обрабатывает этим способом все материалы, начиная с мрамора. Производит большое впечатление «Борьба двух начал», из светлого камня: прекрасная женщина запирает ребенка от какой-то злой руки и от змеей.

Очень интересен макет, посвященный Клоделю. Покойный писатель изображен во образе Роланда из его знаменитой пьесы «Атланская тудля». Эта вещь еще незакончена.

— Я стараюсь передать душевное состояние самого Клоделя, стремящегося вверх. — говорит Беклемишева. — Я видела его посмертную маску. Она очень интересная: точно открылся человеку новый мир.

Очень выразительна женщина из гипса, символизирующая «Страдания». Тут все замечательно: лицо, разжатая рука, даже складки платья, скрывающие ее тело.

Останавливаюсь перед «Эфебом» из гипса. Но задуман он для мрамора.

— Все искусства — братья и сестры. — говорит ваятельница — краски, формы, звуки. Музыка является моим большим источником вдохновения.

Этому свидетельствует ряд ее вещей, в том числе «Усталый странник», на тему Шуберта.

Вижу на стене знакомую мне по фойе Зала Плейель доску-барельеф с Шаляпиным. Ее ей заказало в свое время Русское Музыкальное общество и преподнесло его Залу Плейель. Это довольно большой барельеф: портрет Шаляпина на фоне его же в роли Бориса Годунова.

Интересная подробность: в одном выставочном помещении в Брюсселе Клео Беклемишевой предложили выставлять все, что она захочет, в течение всего сезона.

На прощание она мне говорит:

— Одним из самых насыщенных магией искусств является именно скульптура, и каждый скульптор должен был бы направлять свои способности и стремления исключительно к белой магии.

Р. 11281. 2558
Нова Лиланцева